

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).083

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ «ПЕРЕМЕНА» 15 АВГУСТА 1903 ГОДА В ЗЕРКАЛЕ РУМОРОЛОГИИ

© 2011 г.

Д.А. Андреев

Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова

carpenter2005@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.02.2011

Рассматривается отражение отставки С.Ю. Витте с поста министра финансов и его перевод на должность председателя Комитета министров 15 августа 1903 г. в спровоцированных этими событиями слухах. Изучаются источники появления этих слухов, их развитие, выявляются адресные группы, для которых они были предназначены. На примере событий конца лета – начала осени 1903 г. отдельно исследуется вопрос о том, каким образом функционировали слухи в пространстве непубличной политики.

Ключевые слова: император Николай II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, министр финансов, министр внутренних дел, председатель Комитета министров, премьер-министр, объединенный кабинет, С.Ю. Витте, В.К. Плеве, В.П. Мещерский.

Отставка С.Ю. Витте с поста министра финансов 15 августа 1903 г. и его перевод на пост председателя Комитета министров представляются хорошо изученными в историографии. По утвердившемуся в среде исследователей мнению, причины этого кадрового перемещения следует искать в интригах против министра финансов безобразовцев, нашедших в Витте серьезное препятствие на пути реализации их дальневосточного сценария. Утверждается, что свою роль сыграло и недовольство курсом министра финансов со стороны более представительной, чем кружок безобразовцев, части политической элиты. Объяснение же столь странной по форме отставки (перевод на более статусную, хотя и менее влиятельную должность) сводится, по сути, к каламбуру. Этот каламбур ходил по Петербургу в конце лета – начале осени 1903 г.: «Витте упал кверху» [1, с. 127–132]. Между тем действия самого Витте, которые могут быть восприняты как спровоцировавшие его удаление с поста министра финансов, равно как и сам способ его отставки, нуждаются в более внятной интерпретации.

Очевидно, что рассмотрение этих вопросов невозможно без учета специфической группы источников – документов личного происхождения, в которых содержится разнообразный руморологический (от английского rumour – «слух») материал. Безусловно, при использовании такого

рода источников всегда остро встает вопрос достоверности передаваемой ими информации. Однако этот непреодолимый недостаток руморологических источников во многом компенсируется их двумя другими особенностями: во-первых, высвечиванием анализируемой проблемы во всем ее естественном жизненном динамизме, во-вторых, предельно точной контекстуализацией разбираемых сюжетов. К тому же слухи обладают исключительной способностью, подобно пазлам, складываться в целостные информационные картины, реконструирующие события прошлого, что называется, изнутри. Анализ руморологического материала традиционно ведется по двум направлениям. Во-первых, выявляются нестыковки в интерпретации какого-либо одного события, а уже через это предпринимаются попытки оценить «долю правды» во всем анализируемом множестве слухов. Во-вторых, определяются реципиенты руморологической продукции, а также само ее предназначение. В настоящей работе представляется целесообразным сосредоточиться преимущественно на втором направлении, обращаясь к задачам первого направления лишь как к вспомогательным, иллюстрирующим воссоздаваемую реальность.

Если взглянуть сквозь такую руморологическую оптику на обстоятельства перехода Витте из Министерства финансов в Комитет министров, или «перемену» – по определению той

эпохи, то можно предложить следующую картину событий.

9 сентября 1903 г. Л.А. Тихомиров записал в дневнике, что «наконец», благодаря услышанному от чиновника Корпуса лесничих О.В. Маркграфа, «вполне понял» причину отставки Витте. Экс-министр финансов «давно говорил и записки подавал, что необходим кабинет с премьером». В конце концов, по каким-то соображениям, Витте «нашел возможным» действовать решительно и рискнул «получить согласие на то государя», причем «прямо ему это предложил». Но «рискованный шаг к прочной власти не удался» – император «прислал ему только председательство».

Полученная от Маркграфа информация имела для Тихомирова принципиальное значение. Замещая главного редактора «Московских ведомостей» В.А. Грингмута, уехавшего за границу еще задолго до отставки Витте 15 августа и вернувшегося только в середине октября, Тихомиров был вынужден выдерживать идеологическую линию издания, а для этого остро требовалось понять, что собой представляло перемещение Витте – понижение или повышение? Дневник Тихомирова позволяет восстановить, как журналист пытался решить для себя этот непростой вопрос до беседы с Маркграфом. Через четыре дня после отставки Тихомиров расценивал уход Витте из Министерства финансов как несомненное поражение: «Петербургские газеты рассыпаются в похвалах Витте. Вероятно, он еще сумеет выскочить и создать себе влиятельную роль. В сущности, он все-таки умнее всех прочих. Кто и как его низверг с министерства – остается неясно». Однако еще через три дня, по получении от Грингмута статьи, по словам Тихомирова, «весьма хвалебной для Витте», автор дневника заключил, что его начальник «считает перемену не поражением, а победой Витте», и от себя заметил: «Есть и такая версия, хотя большинство публики думает доселе иначе». Однако одного – хотя и панегирического и к тому же исходившего от главного редактора – материала явно не хватало для определения позиции «Московских ведомостей», и в самом конце августа Тихомиров сетовал: «Очень трудно вести редакционные дела. <...> Неизвестно, составляет ли уход Витте повышение или падение. <...> А между тем понятно, что не хочется сделать чего-либо, способного возбудить неудовольствие Грингмута, как противное его планам. <...> Просто беда. А от Грингмута никаких инструкций. Должно быть, сам ничего не разберет и не может определить своей дороги» [2, л. 27–27 об., 15–16 об., 19–19 об.].

Разумеется, не один исполняющий обязанности главного редактора «Московских ведомостей» в эти дни задавался вопросом, как следовало понимать перемещение Витте. Интересно сравнить только что приведенные цитаты из дневника Тихомирова с дневниковыми записями буквально за те же самые дни московского городского головы В.М. Голицына. 17 августа, по свежим следам события, автор дневника задавался вопросом: «Весьма занимает вопрос – есть ли [это] удаление Витте на покой, или он сохранит за собою фактическое руководство министерством?» Но уже со следующего дня вопросы в записях московского городского головы исчезли, и вместо них появились самые разные версии и интерпретации случившегося, услышанные и зафиксированные Голицыным. «Только и разговора, что повышение Витте, – писал он 18 августа, – и во всех отъездах об этом слышится общее недоумение. Многие видят в нем первого министра, который сумеет на этом посту взять в свои руки всю внутреннюю политику». Через шесть дней общественное мнение качнулось в другую сторону: «Вполне выяснилось, – отмечал Голицын 24 августа, – что назначение Витте было его падение». И уже от себя добавлял: «Но прием, во всяком случае, странный – повышать того, кого хотелось бы удалить». Однако через неделю назначение Витте председателем Комитета министров снова стало расцениваться в благоприятном для него ключе: «Все заняты будущей ролью Витте. Не таков он, чтобы удовлетвориться sinecurой, а предвещают ему главенство над министрами, борьбу с негодными ему, вроде Плеве, и проведение крупных реформ. Таким образом, будет он вице-императором» [3, л. 226 об. – 227, 230 об. – 231, 235–235 об.].

Если Тихомирова произошедшая с Витте «перемена» волновала прежде всего с практической стороны (не ошибиться с расстановкой политических акцентов «Московскими ведомостями» в отсутствие их главного редактора), то Голицын, похоже, был прямо-таки задет за живое наблюдавшимся и весьма четко сформулированным им семиотическим диссонансом. С формальной стороны, диапазон возможностей Витте на новом месте его службы заметно сократился. Но на самом деле ситуация, если судить по развитию общественного мнения, складывалась прямо противоположным образом. Интрига усугублялась еще и тем, что усиление влиятельности Витте могло происходить лишь в единственном направлении – к положению премьера. А должность председателя Комитета министров в образах заимствованных (хотя при

этом и кардинально видоизмененных в условиях самодержавия) западных политических институций все-таки ассоциировалась с положением премьера объединенного кабинета, несмотря на качественное отличие между обоими статусами. Поэтому вне зависимости от того, соответствовала ли действительности версия, переданная Тихомирову Маркграфом, руморологическое освещение события, произошедшего 15 августа, развивалось по направлению, определенному двумя факторами. Во-первых, логикой трансформации – прежде всего в общественном мнении – места председателя Комитета министров чуть ли не в визират. Во-вторых, действиями самого Витте, который все это время был не только объектом многочисленных и самых разнообразных слухов и сплетен, но и их плодотворным автором.

Если говорить о последнем факторе, то до сих пор определенный простор для новых интерпретаций оставляет один частный вопрос, касающийся произошедших 15 августа 1903 г. перестановок в правительстве. А именно: какое отношение имел сам Витте к циркулировавшим в конце лета – начале осени 1903 г. версиям того, как это все было в петергофском кабинете Николая II. Рассмотрим три такие версии. Их авторство принадлежит Витте. Первая представляет собой историю, рассказанную со слов Витте агентом влияния русского правительства во французской прессе И.Ф. Манасевичем-Мануйловым директору департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД А.Н. Мосолову и записанную последним в его дневнике. Вторая также зафиксирована в дневнике – на этот раз Тихомирова. Журналист узнал ее от Грингмута, а тот – от издателя «Гражданина» В.П. Мещерского. Последнему эту версию рассказал сам Витте. Наконец, третья версия изложена в мемуарах Витте.

В соответствии с первой версией, после возвращения Николая II из-под Пскова с маневров «было втайне решено уволить наконец Витте, и ему приискан был преемник». При этом главноуправляющему Собственной его императорского величества канцелярией А.С. Танееву уже даже было дано поручение подготовить указ о его назначении после увольнения с поста министра финансов членом Государственного совета. Однако неожиданно «все переменялось». Поведанное Манасевичем-Мануйловым Мосолову описание того, как происходила отставка Витте, принципиально для понимания рассматриваемой версии, поэтому имеет смысл привести его полностью. 15 августа министр финансов «прибыл в Петергоф с обычным докладом в

самом лучшем настроении. По выслушании его государь вдруг переменял тон и разразился упреками за его политику, приведшую к расселению и усилению еврейства, и все в этом роде. Разговор был до того оживлен, что государь переломил карандаш. Тогда Витте, выслушав все это и дав свои почтительные объяснения, сказал государю, что так как он недоволен им, то просит уволить его в отставку.

– Как в отставку? Совсем от службы?

– Да, вчистую.

– Но что же Вы будете делать?

– Я поступлю на частную службу.

– Нет, этого я не допущу. Я Вас назначаю председателем Комитета министров, и Вы останетесь в числе моих главных советников.

– Но, государь, кому же Вы поручите Министерство финансов?

– А вот это Ваш преемник».

И тут в императорский кабинет вошел управляющий Государственным банком Э.Д. Плеске. На другой день Танеев лично доставил экс-министру финансов указ о его назначении председателем Комитета министров. А после Танеева Витте как раз и посетил Манасевич-Мануйлов. «В большом одушевлении и с удивительной откровенностью Витте рассказал ему все это».

То есть Манасевичу-Мануйлову изложенная выше версия была поведена 16 августа. А другой фактотум Витте – Мещерский – узнал о случившемся прямо 15 августа. По словам Мосолова, вернувшись с аудиенции у императора, теперь уже бывший министр финансов «сейчас же стал звать» Мещерского, находившегося в тот момент в Царском Селе, более того, лично прибыл на Царскосельский вокзал встретить его и затем повез к себе домой [4, л. 5 об. – 7].

В дневнике Тихомирова изложена иная версия. Автор дневника услышал ее в передаче Грингмута, который, по словам Тихомирова, в свою очередь, узнал ее «будто бы на основании рассказов Мещерского и придворных». Здесь отставка министра финансов имела долгую предысторию, которая, однако, никоим образом не связана с интригами против Витте его главного оппонента – министра внутренних дел В.К. Плеве. Со слов Грингмута, «падение Витте было без всякого участия Плеве, который даже ничего не знал». Все началось с доклада императору А.М. Безобразова, уличившего Витте в обмане Николая II касательно дел с Сибирской железной дорогой. Затем свою лепту в падение министра финансов внес великий князь Алексей Александрович. Суть конфликта, согласно записи Тихомирова, сводилась к следу-

ющему. Алексей Александрович «требовал у Витте 38 миллионов на развитие торгового флота. Витте, категорически отказав, изложил в своем отзыве государю, что нашему флоту и возить нечего. Великий князь ответил обширной запиской, доказывавшей, что целые иностранные флота живут вывозом русского товара». При этом император воздерживался от каких-либо комментариев этой полемики в ходе рутинных регулярных докладов министра финансов. Правда, однажды сказал Витте при людях «как бы мимоходом», что ознакомился с обеими записками и оценивает записку Алексея Александровича как «дельную». «Не то, что Ваша», – противопоставил Николай II записку дяди записке министра финансов. Однако и после такого публичного поддевания Витте «ничего опасного не ожидал». Сама же аудиенция 15 августа описана в дневнике следующим образом: «К ближайшему докладу государь просил его (Витте. – Д.А.) привезти Плеске, не пояснив, зачем. А Плеске государь знает потому, что он вел денежные дела великой княгини Ксении Александровны... Между тем был уже заготовлен рескрипт Витте о его отставке, причем он назначался в Государственный совет (членом)». Однако в ходе аудиенции это решение было переиграно: «Государь выслушал весь доклад и ничего не говорил. Витте собрался уходить. Но так как государь уезжал за границу... то Витте спросил – куда ему направлять сообщения, если понадобится? Тут-то государь и сказал ему в продолжительных объяснениях, что ему лучше оставить Министерство финансов». На это «Витте сказал, что уйдет, но совсем. Что будет делать? Займется какой-нибудь общественной деятельностью... Тогда государь предложил ему пост председателя Комитета министров. Соответственно с этим... был переделан рескрипт. А Плеске тут же, при Витте, был назначен на его место». Тихомиров завершил рассказ кратким описанием встречи Грингмута с самим Витте. Это было в доме председателя Комитета министров спустя два месяца после перехода экс-министра финансов на новую должность. (Грингмут вернулся из-за границы 17 октября, а рассказ в дневнике Тихомирова датирован 29 октября.) Витте «явно и демонстративно говорил, что не сам ушел, а уволен, и что теперь ни во что мешаться не будет: пусть, дескать, распутываются, как знают» [2, л. 70–72].

В мемуарах Витте подчеркнул – причем как до изложения собственной версии аудиенции у Николая II, так и после, – что увольнение было вызвано его категорическим несогласием с по-

литикой на Дальнем Востоке. Он даже отметил свою решимость добровольно попросить императора об отставке, так как не желал брать «на себя ответственность за все те последствия, которые произойдут в случае японской войны». Примечательно, что это пафосное объяснение занятой им позиции ответственного за свои действия министра и одновременно почтительного подданного государя приведено не просто так, а как размышления в связи с полученной от Николая II запиской приехать к нему в Петергоф на доклад вместе с Плеске.

На следующий день министр финансов и управляющий Госбанком вместе прибыли в Петергоф, и пока Витте был на докладе, Плеске находился в приемной. По описанию Витте, это была совершенно заурядная аудиенция, причем император даже похвалил министра за его намерение лично ознакомиться с действием питейной монополии в тех губерниях, в которых глава Минфина еще не был. И только после этого наступила кульминация: «Когда я уже встал, чтобы проститься с его величеством, государь император, видимо, несколько стесненный, сконфуженный, обратился ко мне с вопросом: привез ли я Плеске? Я сказал, что привез. Тогда государь спросил меня: “Какого Вы мнения о Плеске?” Я ответил, что самого прекрасного». На это последовал ответ императора: «Сергей Юльевич, я Вас прошу принять пост председателя Комитета министров, а на пост министра финансов я хочу назначить Плеске». После обмена репликами Витте сказал: «...если это назначение не выражает собою признака неблаговоления ко мне его величества, то я, конечно, буду очень рад этому назначению, но я не думаю, чтобы на этом месте я мог бы быть столь полезным, сколько я мог бы быть полезным на месте более деятельном». После этого Витте покинул кабинет Николая II и, «согласно повелению государя», передал сидевшему в приемной Плеске приглашение войти к императору [5, с. 614–615, 617].

Налицо три совершенно разных версии одного и того же события. Версии, являвшиеся именно слухами, выборочно и тенденциозно отражавшими произошедшее на самом деле и – главное – рассчитанными на разные адресные аудитории.

Изложенный Мосоловым рассказ Манасевича-Мануйлова выглядит наиболее неправдоподобным. Хотя бы уже из-за мелкой, но характерной детали – сломанного императором во время беседы (не то от волнения, не то от раздражения) карандаша. Общеизвестна выдержка императора, особенно в присутствии посторонних лиц. Мак-

симум, что Николай II позволял себе в качестве проявления крайнего недовольства собеседником, так это барабанить пальцами по оконному стеклу, повернувшись спиной к говорившему. Поэтому Витте никогда бы не стал рассказывать про сломанный карандаш тому же Мещерскому, лично хорошо знавшему императора и характерные манеры его поведения. Более того, в этой версии расчет делался на аудиторию, плохо представлявшую себе не только привычки Николая II, но и вообще традиции русской политической кухни. Маловероятно, чтобы искушенный министр финансов ничего не знал ни о подготовленной уже отставке, ни о предполагавшемся назначении в Госсовет, ни о кандидатуре преемника и приехал на аудиенцию «в самом лучшем настроении». Наконец, нельзя обойти молчанием и сам повод к отставке – якобы вменяющуюся ему в вину политику, спровоцировавшую «расселение и усиление еврейства». Подобной повестки дня – причем на уровне не только содержательных проектов, но и слухов – в августе 1903 г. просто не могло быть. (Если, конечно, не считать состоявшиеся за несколько дней до отставки Витте переговоры его и Плеве с Т. Герцлем – несомненно, с разрешения императора.) Пересуды на этот счет начались только почти через год. Так, генерал А.А. Киреев сделал запись в дневнике 23 июля 1904 г. о том, как К.П. Победоносцев поведал ему и А.Н. Нарышкиной, что «...на днях ввиду необходимости внешнего займа евреи будут уравниены в правах с русскими». «Вероятно, вздор, – записал Киреев. – Ежели и расширят права... не думаю, чтобы дали что-нибудь серьезное» [6, л. 338–338 об.].

Чтобы понять, зачем Витте понадобилась именно такая – кишевшая несуразностями – версия собственной отставки, необходимо обратиться к персоне, которой она была рассказана. О том, чем Манасевич-Мануйлов занимался во Франции, уже было сказано выше. По сообщению Мосолова, 30 августа в Париж уехала и чета Витте [4, л. 7 об. – 8]. А на Западе в тот момент любая информация о положении евреев в России воспринималась чрезвычайно остро. Еще свежи были воспоминания о получившем колоссальный общественный резонанс в Европе кишиневском погроме, случившемся чуть более четырех месяцев назад. С достаточной степенью вероятности можно предположить, что версия Манасевича-Мануйлова была рассчитана «на экспорт»: ей надлежало увязать отставку Витте, и без того бурно обсуждавшуюся на Западе, с наиболее острой – опять-таки для западного восприятия – темой русской внутривнутриполитической жизни. На этом фоне мелкие несураз-

ности наподобие сломанного карандаша не только не портили впечатления, но даже могли его усилить. Прав был литератор А.М. Жемчужников, записавший в своем дневнике по поводу отставки Витте: «Это известие произведет немалое впечатление и за границей» [7, л. 385].

Однако гораздо большее значение для Витте имела внутривнутриполитическая аудитория. Для нее предназначалась версия, озвученная Мещерским Грингмуту. Неспроста поэтому Витте так торопился поговорить с издателем «Гражданина» сразу же после аудиенции у императора, тогда как Манасевича-Мануйлова принял лишь на следующий день. В этой версии были свои грамотно обозначенные смысловые акценты.

Император выставлялся радетелем прежде всего об интересах собственного большого семейства: пошел навстречу дяде в его конфликте с Витте и назначил новым министром финансов «счетовода» своей сестры. Но в вопросах высокой политики Ксения Александровна всегда неизменно придерживалась позиции матери. А Мария Федоровна благоволила Витте: именно ко вдовствующей императрице отставленный министр финансов пошел завтракать после аудиенции у императора [5, с. 615]. А восклицание в дневнике Ксении за 15 августа по поводу произведенных перемен в правительстве: «*Coup d'état* (государственный переворот, *фр.* – Д.А.) произошел. <...> Воображаю, какое это произведет впечатление!» [8, л. 154] – свидетельствует исключительно о ее искреннем потрясении случившимся и абсолютном неведении относительно планов брата на стадии их подготовки. Да и сам Плеске уже давно рассматривался как один из потенциальных преемников Витте. А.П. Сипягина, вдова убитого министра внутренних дел, писала 21 августа 1903 г. сестре, Е.П. Шереметевой: «Плеске – очень приятный и хороший человек, а в деловом отношении мой муж считал его настоящим преемником Витте» [9, л. 56 об. – 54].

Обращает на себя внимание повторение в этой версии факта, упоминавшегося и Манасевичем-Мануйловым, – о замене уже подготовленного указа о назначении членом Госсовета указом о переводе с поста министра финансов на должность председателя Комитета министров. То есть Николай II и здесь выставлялся в неприглядном свете – мол, побоялся вовсе лишиться такого компетентного специалиста и потому перевел его на статусное, хотя и неизмеримо менее влиятельное место.

Получалось, что Витте в любом случае оставался непобежденным, а вот верховная власть своими неуклюжими действиями во всех смыс-

лах лишь дискредитировала себя. Близкий к Марии Федоровне С.Д. Шереметев оставил в дневнике любопытное свидетельство. Через два с лишним месяца после отставки он лично встречался с Витте два дня подряд. В первый день у председателя Комитета министров. Об этой встрече осталась характерная запись: «Разговор с Витте очень интересен. Картина ясная». А на следующий день уже чета Шереметевых приняла у себя Витте. «Говорил много, откровенно, интересно, поучительно – и огорчительно. <...> Когда разговор окончился, Катя (Е.П. Шереметева, жена С.Д. Шереметева. – Д.А.) у него спросила – что же после всего он остается при мнении в необходимости самодержавия?» – подытожил автор дневника. Пускай Витте ответил положительно и даже «с убеждением» [10, л. 110 об., 112], но можно себе представить, что он до того наговорил Шереметевым, если у графини даже вырвался столь наивно-откровенный вопрос.

Третья – мемуарная – версия на этом фоне представляется наиболее правдоподобной. Но лишь касательно отражения того, что действительно произошло в кабинете Николая II 15 августа. Такая условная правдоподобность была нужна мемуаристу для совершенно очевидного хода: спокойным и взвешенным рассказом об аудиенции не оставить у читателей мемуаров никакого сомнения в том, что составило главный пафос этого сюжета. Выше отмечалось, что Витте закольцевал рассказ об аудиенции подчеркиванием своего принципиального несогласия с дальневосточной политикой и предварил недвусмысленным указанием на твердое намерение подать в отставку. Укоренить в сознании потомков эту версию (как известно, не имевшую ничего общего с реальными амбициями Витте в 1903 г.) – вот главная причина описательного объективизма автора воспоминаний. А потому и эту версию можно также считать руморологической, предполагавшей фабрикацию слуха, только не конъюнктурно-сиюминутного, а появившегося постфактум уже как деталь реконструируемого прошлого.

Но это было уже спустя много лет после описываемых событий, когда Витте был озабочен своим местом в «истории Государства Российского», а осенью 1903 г. его интересовало исключительно восстановление собственного резко пошатнувшегося положения.

Сразу же по возвращении из Франции новоспеченный председатель Комитета министров возобновил интриги против Плеве. Последняя попытка Витте (еще министра финансов) свалить своего главного противника завершилась неуда-

чей. Эта история, произошедшая буквально накануне перевода Витте из Министерства финансов в Комитет министров, изложена Р.Ш. Ганелиным. Тогда Витте с помощью Мещерского и С.В. Зубатова пытался, используя подложное перлюстрированное письмо, занять место Плеве. Однако последний обнаружил «заговор» и раскрыл его Николаю II [11, с. 7]. Теперь же Витте стал поступать более грамотно. Вместо придумывания примитивных сценариев дискредитации – уязвимых прежде всего из-за неизбежного привлечения к их реализации посторонних лиц – он начал действовать в одиночку и, главное, выстраивать исключительно верное смысловое обеспечение интриги. Например, в цитированной выше записи из дневника Шереметева за 21 октября говорится, что именно после того, как Витте «с убеждением» и – читай – несмотря на то, как с ним поступил император, подтвердил свою приверженность самодержавной форме правления, председатель Комитета министров представил Плеве сторонником совершенно других взглядов. По словам Шереметева, Витте «выразил сомнение в твердости Плеве по этому вопросу», заметив, что министр внутренних дел «желает себя окружить ничтожествами (в союзе с Безобразовым), чтобы укрепившись – насесть на г[осударя] – и убедить его на уступки». На сей счет у Плеве «должна быть затаенная мысль» [10, л. 112].

Витте прекрасно понимал, в чьи уши он вкладывал подобные сомнения в стойкости монархических убеждений своего врага. Шереметев уже давно крайне негативно относился к Плеве. Его назначение главой МВД он считал выбором «из худших лучшего» [13, с. 485]. Поэтому на сомнение Витте в верности Плеве идеалам самодержавия Шереметев тут же в дневнике записал: «Я же Плеве доверять не могу, испытал на себе его фальшь и его прием» [12, л. 112]. Но самое главное, на что, вероятно, рассчитывал Витте, наговаривая Шереметеву на Плеве, так это на доверительные отношения своего собеседника со вдовствующей императрицей, имевшей влияние на сына. Чуть больше чем через год жена министра внутренних дел П.Д. Святополка-Мирского даст со слов мужа в дневнике любопытную характеристику Марии Федоровне: «...она еще менее конституционалистка, чем государь» [14, с. 252]. Понятно, почему Витте изо всех сил старался убедить фактотума вдовствующей императрицы в собственной неколебимой лояльности самодержавию и латентном конституционализме Плеве. Примечательно также и то, что именно Шереметева Витте стал обрабатывать сразу же после возвращения из Франции. Кстати, эти действия пред-

седателя Комитета министров стали известны в обществе. В декабре Киреев записал в дневнике: «Говорят, что Витте сближается с ...недалеким Шереметевым для союза, стремящегося к восставлению влияния Витте» [6, л. 277].

В изображении Витте мировоззренческий «грех» Плеве усугублялся интригами министра внутренних дел. Председатель Комитета министров усиленно намекал на то, что не он один лишился своего поста – следует ждать новых отставок. В том же разговоре с Шереметевым 21 октября Витте заметил, что «положение Ламздорфа (В.Н. Ламздорф, министр иностранных дел. – Д.А.) также трудное и непрочное, под него подкапываются», при этом одновременно «очень его хвалил и говорил, что он не выносит Плеве и что последний хочет его свалить» [10, л. 112].

Председатель Комитета министров не только правильно выбрал канал для трансляции компрометирующих Плеве «свидетельств», но и тонко угадал конъюнктуру момента, в который следовало начать дискредитацию министра внутренних дел. Станный, непонятный и породивший многочисленные домыслы перевод Витте из Министерства финансов в Комитет министров дезориентировал общественное мнение, усилил в нем и без того муссированный взгляд о всесии закулисы, вершившей большую политику. Управляющий Придворной певческой капеллой С.В. Смоленский в конце сентября писал Шереметеву: «Тревоги и суматошной беготни, шепота и таинственных интриг – много, а ясности дела опять не чувствуется». И далее привел потрясающую фразу: «Всё “Пл”, как сказал недавно кто-то в Москве: Плеве, Плеске, Платонов, чуть не Плевако, подбирается в какой-то ничего не обещающей, бессодержательной, но явно диминутивной прогрессии» [14, л. 91 об.]. Неважно, что ни новый министр финансов, ни тем более близкий к Мещерскому член Государственного совета и известный адвокат не являлись людьми Плеве. Главное, что их фамилии и фамилия министра внутренних дел сплетались в удачный каламбур, припечатывавший, точно приговор, – «всё “пл”[охо]!»

А уже от констатации «всё плохо» был один шаг до разговоров об имиджевых потерях и приобретениях в этой «диминутивной прогрессии». И совершенно понятно, что, по неукоснительно работающим законам индустрии слухов, более активный (или, как вариант, чаще других мелькающий в информационном пространстве) субъект вызывает к себе позитивные оценки сильнее, нежели субъект статичный. Такая закономерность сработала и в случае с Витте и Плеве. Своей «переменой» Витте спровоцировал к собственной

персоне повышенный общественный интерес, переросший затем в устойчивое мнение о том, что экс-министр финансов только выиграл от назначения на должность, прежде занимавшуюся почетными отставниками. И напротив, Плеве, никак не проявлявшийся на публичном поле и по-прежнему остававшийся на посту главы МВД, стал восприниматься как обреченный – раньше или позже – на неуспех. 19 октября Голицын записал в дневнике: «<...> удалось мне уловить преобладающее направление мнений. Припел один – власти нет никакой, и всё зиждется на случайности, почему каждую минуту можно ожидать всякого рода неожиданностей, сюрпризов, случайных повышений или падений. Так, напр[имер] Витте теперь опять идет в гору, а Плеве, наоборот, опускается» [3, л. 270]. Таким образом, общественное мнение – во многом с подачи Витте – «похоронило» Плеве еще задолго до его физической гибели. Политическая смерть министра внутренних дел явилась еще одним следствием правительственной «перемены» и вызванной ею руморологической бури.

Список литературы

1. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.
2. Тихомиров Л.А. Дневник за 1903 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 634. Оп. 1. Д. 12.
3. Голицын В.М. Дневник (август – октябрь 1903 г.) // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 75. Д. 24.
4. Мосолов А.Н. Дневник за 1903 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 46.
5. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. СПб., 2003.
6. Киреев А.А. Дневник (1900–1904 гг.) // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. Д. 13.
7. Жемчужников А.М. Дневник (1.06.1897–30.11.1904) // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 101. Карт. 1. Д. 2.
8. Ксения Александровна, великая княгиня. Дневник за 1903 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 662. Оп. 1. Д. 19.
9. Сипягина А.П. Письмо к Е.П. Шереметевой от 21 августа 1903 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2724.
10. Шереметев С.Д. Дневник за 1903 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5048.
11. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.
12. Шохин Л.И. Дневник графа С.Д. Шереметева (1894–1917 гг.) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006.

13. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. Т. 77. М., 1965.

14. Смоленский С.В. Письмо к С.Д. Шереметеву (после 24 сентября 1903 г.) // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1581.

GOVERNMENTAL «CHANGE» OF 15 AUGUST 1903 IN RUMOUROLOGY

D.A. Andreev

The article deals with the resignation of S.Yu. Witte from the post of the Minister of Finance and his appointment to the post of the Chairman of the Committee of Ministers on August 15, 1903, as reflected in the rumours provoked by these events. Such rumours are analyzed in their development, their sources are studied and their target audience is identified. The functioning of the rumours in the area of non-public politics is considered based on the examples of the events of late summer – early autumn 1903.

Keywords: Emperor Nicholas II, Empress Dowager Maria Feodorovna, Finance Minister, Minister of the Interior, Chairman of the Committee of Ministers, Prime Minister, joint cabinet, S.Yu. Witte, V.K. Plehve, V.P. Meshchersky.